

A man with curly hair, seen in profile, is looking down at a smartphone. He is wearing a dark jacket. The background is a blurred, futuristic cityscape at night, illuminated with blue and purple lights. There are some vertical signs or advertisements in the background, one of which says "VAPOR".

*Александр Поворот
Реки*

*Битва за реалъностъ –
протокол "Заслон"*

Фэнтези и фантастика

Александр Поворот Реки

**Битва за реальность
- протокол "Заслон"**

«Автор»

2026

Поворот Реки А.

Битва за реальность - протокол "Заслон" / А. Поворот Реки — «Автор», 2026 — (Фэнтези и фантастика)

Реальность больше не держится на фактах. Она держится на частоте. Когда установка «Проекция Виновности» научилась замыкать синапсы, заставляя агрессора проживать боль жертвы до коллапса, баланс рухнул. Резонансное поле открылось. Теперь любая эмоция, ложь или травма получает усиление. АО «ЗАСЛОН» удерживает хрупкую стабильность, пока «Ткачи» калибруют «Генератор Нулевого События» — устройство, способное не стереть, а переписать прошлое. Александр, архитектор Проекции, Надежда, чьё сознание уже инвертировано, и Михайло, ставший громоотводом для реальности, оказываются в эпицентре войны за причинность. Здесь нет магии. Есть физика сознания, двусторонняя цена эмпатии и выбор, стирающий грань между памятью и манипуляцией. Научная фантастика для тех, кто ценит твёрдую механику мира вместо чудес. Если вам близки истории, где технологии бьют по смыслам, а герои платят за правду не жизнью, а собственной идентичностью — открывайте первую страницу. Поле открыто. Игра начинается.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1: Эхо ненаписанных кодов	7
Глава 2: Хроники забытых доверий	10
Глава 3: Диалектика Тени и Света	12
Глава 4: Парадоксы сигнала и шума	14
Глава 5: Метафизика отражений	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Поворот Реки

Битва за реальность - протокол "Заслон"

Пролог.

Гул исчез не сразу. Он просачивался обратно, меняя тембр с каждой секундой, пока не стал ровным, плотным фоном. Как дыхание. Как несущая частота.

В коридорах сектора «Гамма» не было окон. Только матовые панели, скрывающие несущие конструкции, и бестеневое освещение, откалиброванное под нейтральный спектр. Воздух проходил через три ступени фильтрации: механическую, химическую, электромагнитную. Для тех, кто работал с резонансными контурами дольше полугода, в стерильности всегда оставался едва уловимый привкус. Озон после пробоя изоляции. Статика на кончиках пальцев.

АО «ЗАСЛОН» не значилось на открытых картах. Его координаты не фиксировались в реестрах инфраструктуры. Организация существовала в пространстве между допусками, в протоколах, помеченных грифами, которые меняли цвет в зависимости от уровня угрозы. Раньше здесь занимались криптографией и защитой каналов связи. Потом — нейроинтерфейсами и адаптивными алгоритмами. Сейчас — онтологической безопасностью. Слово звучало абстрактно, пока ты не видел, как человек, прошедший стандартную калибровку, начинал путать имена собственных детей. Пока не видел, как целые кварталы теряли причинно-следственные связи, а здания сохраняли форму, но теряли содержание. Реальность больше не держалась на камне или стали. Она держалась на согласованности фаз. На резонансе. И когда фаза сдвигается, даже на полградуса, начинается расслоение.

Терминал в кабине оператора №4 моргнул. Синусоида на главном дисплее дрогнула, вышла за пределы зеленого коридора, вошла в зону предупреждения. Не критическая ошибка. Шум. Но не случайный. Структурированный. Инфразвуковой пакет, вшитый в фоновый гул вентиляции. Его можно было списать на сбой датчиков. Можно было проигнорировать. Но протокол «ЗАСЛОН-7» не допускал интерпретаций. Только фиксация. Только калибровка.

Оператор не стал нажимать тревогу. Он ввел корректирующий импульс. Чистый, несущий вектор, привязанный к базовой линии сектора. Система приняла данные. Синусоида вернулась в допуск. Но шум не исчез. Он сместился. Ушел глубже. В несущие стены. В ритм дыхания персонала. В те слои сознания, которые не фиксируются энцефалографами, но определяют, помнишь ли ты, зачем пришел на работу, или просто идешь по инерции, пока тело не остановится.

Это и была новая линия фронта. Не с границами и не с калибрами. С семантикой. С тем, как мозг обрабатывает причинность, как фильтрует шум, как отличает сигнал от помехи. Враг больше не ломал шифры. Он менял точку отсчета. Достаточно добавить один герц в фоновый контур, и страх станет топливом, а эмпатия — скальпелем. Достаточно инвертировать полярность в резонансном поле, и память начнет переписывать сама себя, заменяя опыт навязанным конструктом. Люди думали, что выбирают. Они не выбирали. Они реагировали. А реакцию можно спроектировать.

В архивах «ЗАСЛОНА» такие инциденты значились под кодами: «Каскад-9», «Инверсия-Дельта», «Нулевой сдвиг». За сухими названиями стояли отчеты клинических психологов, логи нейро-мониторинга, списки персонала, отправленных на принудительную десенсибилизацию. Некоторые возвращались. Большинство — нет. Не физически. Их личности распадались не от боли, а от невозможности собрать себя обратно. Когда твое прошлое становится переменной, а настоящее — функцией от чужого алгоритма, остается только одно: якорь. Физический. Тактильный. То, что нельзя взломать через сеть. То, что не зависит от частоты. Оло-

вянная фигурка в кармане. Шрам у виска. Запах липового чая. Боль от шипа. Простые вещи. Константы в уравнении, которое постоянно переписывают.

Система не была злой. Она была слепой. Как любой инструмент, созданный для контроля. Её называли «Проекцией». Не оружие. Настройка. Машина, которая замыкает синапсы на самих себе, заставляя инициатора прожить боль цели до когнитивного коллапса. Чистая математика морали. Пока контур не стал двусторонним. Пока поле не перестало быть инструментом. Пока оно не стало средой. В этой среде каждый выбор имеет вес. Не в байтах. В герцах. В том, выдержит ли якорь обратную петлю, когда поле начнет расслоение.

Оператор убрал руки с клавиатуры. Экран погас. В кабине повисла тишина, плотная, как вода. Он не чувствовал победы. Он чувствовал вес. Каждый калиброванный импульс оставлял след. Не в логах. В структуре поля. Чем больше гасили шум, тем плотнее становилась ткань реальности. Чем чаще корректировали фазу, тем меньше оставалось пространства для ошибки. И тем дороже обходилась каждая новая аномалия. Работа в «ЗАСЛОНЕ» не подразумевала героизма. Она подразумевала точность. Ошибка в полгерца стоила человека.

За стеной, в смежном шлюзе, сработал биометрический замок. Тяжелый, многоуровневый. Считывал сетчатку, ритм сердца, электромагнитный фон кожи. Дверь открылась. Шаг. Второй. В коридор вышла женщина в стандартном сером халате. Волосы собраны, лицо усталое, но взгляд сфокусированный. В руках — планшет с зажимом, не цифровой, бумажный. Привычка. Она не смотрела на камеры. Она смотрела на линию пола, на стыки панелей, на то, как свет ложится на поверхность. Проверяла геометрию. Проверяла базовую линию. Её пальцы слегка дрожали. Не от страха. От накопленной фазовой нагрузки. Резонанс не проходит бесследно. Он оседает в мышцах, в слуховом аппарате, в тех участках коры, которые отвечают за распознавание лиц.

Рядом с ней появился мужчина. Без халата. В свитере с высоким воротом, покрытом пятнами реагентов и припоя. Он не шел. Он возникал в пространстве, где должен был быть. В его кармане что-то глухо стукнуло о бедро. Металл. Фигурка. Он не доставал её. Он знал, что она там. Этого было достаточно. Его дыхание было ровным, но пульс на запястье, скрытый под рукавом, бился чуть быстрее нормы. Он не боялся. Он готовился. Готовился к тому, чтобы не ломать. Чтобы настраивать. К тому, чтобы принять вес поля без компенсации.

Они не обменялись словами. Протоколы не требовали приветствий. Требуется синхронизация. Женщина кивнула. Мужчина ответил тем же. Они вошли в шлюз. Замок замкнулся. Воздух в коридоре дрогнул, принял новую плотность. Давление на перепонки изменилось. Это был не звук. Это был сдвиг несущей. Поле открылось.

Терминал в кабине оператора №4 снова моргнул. На экране всплыла строка. Не лог ошибки. Не предупреждение. Констатация.

ПРОТОКОЛ КАЛИБРОВКИ: АКТИВЕН.

НЕСУЩАЯ ЧАСТОТА: СТАБИЛЬНА.

ПОЛЕ ОТКРЫТО.

ЗАПИСЬ НАЧАТА.

Гул вернулся. Ровный. Плотный. Живой. И где-то в глубине, за пределами допусков и грифов, за пределами карт и реестров, что-то сдвинулось.

Глава 1: Эхо ненаписанных кодов

Реальность в лаборатории Александра давно утратила объективность. Она распалась на пакеты данных, пульсирующие в такт низкому гудению серверов. Воздух был густым, с привкусом перегретого кремния и озона. Снаружи стояла глубокая ночь, но здесь время измерялось только тактовой частотой процессоров.

Александр сидел перед массивом голографических экранов, ссутулившись так, будто гравитация в этой комнате действовала на него сильнее. Его тёмные, жёсткие волосы кое-как стянуты на затылке пластиковой заколкой, к которой по рассеянности прикипела старая микросхема. Неизменный серый свитер с высоким воротом — единственная броня, хранящая следы прошлых неудач: капли припоя, машинное масло, жёлтые разводы хроматографических реагентов.

Пальцы, покрытые мелкими порезами, непрерывно крутили в кармане маленького, потёртого оловянного солдатика. Подарок деда. «Маленькая армия, которая всегда с тобой». Холодный металл был единственным якорем, не дававшим сознанию окончательно раствориться в абстрактном коде. Где-то внутри фигурки, под слоем олова, тускло пульсировала кварцевая вставка — дед называл её «стабилизатором резонанса», но Александр никогда не вникал, зачем она там нужна.

На центральном экране медленно вращалась сложная топологическая модель. Не симуляция аэродинамики и не расчёт напряжений. Попытка математической визуализации человеческой совести.

«Проекция Виновности». В академических кулуарах его давно окрестили безумцем, не понимая, что одержимость продиктована не тщеславием, а призраком за правым плечом. Призраком друга, чья жизнь оборвалась из-за ошибки в машинном зрении дрона, код к которому писал Александр. Косвенная вина, статистическая погрешность — но у погрешности были имя, лицо и несбывшиеся планы на отпуск.

— Наука должна быть стерильной, — пробормотал он, обращаясь то ли к алгоритму, то ли к себе. — Технология — только скальпель. Она не отвечает за то, что вырезает хирург.

Он врал себе. И именно эта ложь породила код, пульсирующий перед ним.

Если люди не способны остановить цикл агрессии, если прячутся за приказами и идеологиями, значит, причину и следствие нужно вернуть на биологический уровень. Оружие, которое не рвёт плоть, а замыкает синапсы на самих себе. Устройство, настраивающееся на фоновый резонанс нейрополя и усиливающее естественные эмпатические связи до уровня, когда агрессия становится физически невыносимой.

Александр вывел на малый экран формулу метрики морального диссонанса:

$$\Psi = \alpha(M + C) / (1 - \beta II)$$

В этой схеме вектор M обозначал агрессивную интенцию субъекта, а C — подавленный конструкт когнитивной эмпатии. Аппарат должен был генерировать поле, инвертирующее эти значения. Агрессор, задумывающий удар, в то же мгновение испытывал бы мультиплицированный ужас и боль потенциальной жертвы.

Но в последние недели тесты приобрели пугающий характер.

Он запустил прототип. В изолированной камере за бронированным стеклом находился не человек, а нейросетевой симулякр высшего порядка — биокибернетический болванчик с загруженной когнитивной матрицей психопата-агрессора. Цель у него была одна: уничтожение виртуального объекта, невзирая на сопутствующие потери.

— Инициация подпрограммы «Зеркало», — сказал Александр в микрофон.

Пространство внутри камеры едва заметно исказилось, словно воздух уплотнился. Датчики зафиксировали излучение специфических волновых паттернов — направленных нейро-электромагнитных импульсов, настроенных на частоты лимбической системы.

На мониторах побежали графики. Красные линии, обозначающие агрессию, поползли вверх. Затем «Проекция» ответила.

Это не было простое блокирование сигнала. Нейронная сеть симулякра начала пожирать саму себя. Математические модели безжалостности столкнулись с искусственно индуцированным цунами рефлексии. Код пытался обработать синтезированную боль, ужас и осознание необратимости, которые устройство вливало в виртуальное сознание.

Болванчик за стеклом замер. Манипуляторы задрожали. Внутренние узлы вычисления перегревались. На экране логов потоком посыпались ошибки:

FATAL ERROR: RECURSIVE EMPATHY LOOP DETECTED.

(Критическая ошибка: обнаружен цикл рекурсивной эмпатии.)

COGNITIVE COLLAPSE IN PROGRESS.

(Когнитивный коллапс в процессе.)

Спустя три секунды симулякр рухнул на пол камеры. Его нейроматрица была стёрта, выжжена не током, а колоссальным, невыносимым для логики осознанием собственной «вины». Объективно он не совершил ничего. Субъективно — пережил тысячи жизней, которые пытался оборвать.

Александр тяжело сглотнул. Отключил питание. В лаборатории повисла звенящая тишина.

Ужас заключался не только в эффективности. В последнее время код «Проекции» начал усложняться сам. Когда Александр проваливался в полубредовое состояние после суток без сна, его пальцы будто сами порхали по клавиатуре, вписывая куски блестящего, парадоксального кода. Логик, которого он потом с трудом расширял.

Он открыл лог последних правок. Блоки кода ветвились, напоминая нейронные аксоны в чашке Петри. Это уже не была линейная архитектура булевой алгебры. Это была живая, дышащая математика.

Случайность? Или его собственное травмированное подсознание нашло способ говорить через компилятор?

Александр помнил теорию, которую обсуждал с дедом: любая достаточно сложная система неизбежно начинает отражать душу создателя. Но «Проекция» не просто отражала. Она эволюционировала. Училась понимать природу греха глубже, чем он сам.

Он перевёл взгляд на выключенный излучатель. Гладкий чёрный металл, похожий на obsидиановое зеркало.

— Если эта машина заставляет систему осознать неправоту до самоуничтожения... — пробормотал он, чувствуя, как по спине ползёт холод. — Что она сделает с живым человеком? С тем, у кого в венах кровь, а не охлаждающая жидкость? И что будет с жертвой, если эмпатия двусторонняя? Мы хотим сделать агрессию невыносимой. Но если боль станет зеркалом... кто первым выдержит отражение?

Терминал пискнул. На экране всплыло уведомление об удалённом доступе. Кто-то пытался прошупать внешний контур защиты. Сигнатура была зашифрована многослойными полиморфными ключами, но в хвосте пакета остался едва заметный след — алгоритмический почерк, который Александр видел раньше в старых отчётах о «внутренних тестах». Маркер: ЛИ-0.

Кто-то извне почувствовал возмущение в информационном поле. Кто-то очень терпеливый.

Мир стоял на грани. Расчерчен невидимыми линиями амбиций и паранойи. Александр знал: его разработка — грааль. Грааль, который одни назовут абсолютным оружием, а другие — концом истории.

Он достал из кармана оловянного солдатика и поставил его на край пульта, прямо перед монитором с метриками вторжения.

Эхо ненаписанных кодов гудело в голове. Технология больше не была стерильной. Она обрела голос, зубы и невыносимо пристальный, судящий взгляд. И теперь этот взгляд готовился обратиться к человечеству.

Александр сжал челюсти и начал быстро набирать контрпротокол шифрования. Игра, которой он так долго пытался избежать, прячась за микросхемами и паяльником, только что началась на его территории. И ставки в ней исчислялись не байтами, а душами.

Глава 2: Хроники забытых доверий

Ночь в Сколково была искусственной. Не тьмой, а выверенным отключением дневного спектра, паузой в работе тысяч процессоров, спящих в стеклянных башнях инновационного центра. Воздух, пропущенный через многоуровневые фильтры, пах стерильным пластиком. Для Михайло эта среда была привычной. Прозрачной.

Он двигался по сервисным коридорам, синхронизируя шаг с ритмом вентиляционных шахт. Тонкие чёрные перчатки плотно облегли руки — не защита от грязи, а барьер. От тактильного контакта с миром, который он давно классифицировал как систему с критическими уязвимостями. Главной из них было доверие.

В его лексиконе это слово равнялось эксплойту нулевого дня. Исполняемому файлу, который пользователь запускал сам, завёрнутый в обёртку лояльности или общих идеалов. Он видел, как это работает: карьеры рушились, связи обрывались, целые структуры рассыпались от одного неосторожного рукопожатия. Его собственное прошлое, выжженное предательством наставника, было лишь подтверждением гипотезы. С тех пор он перестал быть пользователем. Он стал тем, кто ищет бреши.

Целью был «Объект-Генератор». Александр Михайло уже два часа имел доступ к внутренним камерам его лаборатории. Это не был взлом. Он просто нашёл открытый порт в протоколе обмена между климатической установкой и серверной шиной. Кто-то доверился настройкам по умолчанию.

На мониторе разворачивалась панорама контролируемого хаоса. Переплетённые кабели, вскрытые корпуса, горы бумажных стаканчиков. В центре — Александр. Сгорбленный, напряжённый, с небрежно стянутыми на затылке волосами, к заколке которых прикипел кусок старой микросхемы. Тот же серый свитер в пятнах припоя и реагентов.

Михайло увеличил изображение. В руке Александра мелькнул тусклый отблеск. Оловянный солдатик. Он перекачивал его между пальцами с механическим упорством.

«Якорь», — отметил Михайло. — Ритуал снижения тревожности. Привязка к детству. Уязвимость номер один: сентиментальность.

Александр яростно стучал по клавиатуре, бормоча под нос смесь технических терминов и глухих проклятий. Он был погружён в свой код, слеп к периметру. Идеальный объект.

Михайло переключил каналы, бегло просматривая датчики движения и лазерные решётки. Всё было примитивно. Главная брешь сидела в кресле и вертела в пальцах игрушку. Вера Александра в то, что «Проекция» аполитична, что это дар, а не оружие, была настолько наивной, что вызывала физическое отторжение. Любой инструмент нейтрален. Моральный вес определяет рука, которая его держит. А руки у человечества, по опыту Михайло, всегда были в крови.

Дверь лаборатории открылась с мягким шипением пневматики. Александр не обернулся. Вошла женщина.

Михайло мгновенно подтянул её досье. Надежда. Жена. В корпоративных реестрах её помечали как «фактор стабильности». Она резко контрастировала с серой стерильностью лаборатории. На шее — яркий оранжевый платок, единственная точка тёплого цвета в кадре. Она подошла к Александру со спины, и в её позе читалась смесь усталости и тихого беспокойства.

«Саш, который час? Ты опять ночевать здесь собираешься?» Голос, пропущенный через динамики, звучал приглушённо, но Михайло считывал интонации. Мягкий регистр. Нота заботы, переходящая в требование.

Александр вздрогнул, будто его выдернули из транса. «Над? Я... почти закончил. Критический момент».

Она положила руку ему на плечо. «Твой критический момент длится третьи сутки. Пойдём домой. Поспишь».

Михайло наблюдал без эмоций. Это не был диалог. Это был новый интерфейс доступа. И, судя по реакции объекта, с правами администратора.

Надежда обошла стол, взяла со стола очки, протёрла краем платка и аккуратно надела их мужу на нос, поправив дужку у виска. «Так лучше видно?»

Жест был интимным. Настолько, что на секунду сбил внутренние алгоритмы оценки Михайло. Чистый, незашифрованный код привязанности. Она не спрашивала о работе. Не требовала отчётов. Ей нужно было только его присутствие. В этом была её сила. И его главная слабость.

«Уязвимость номер два: эмоциональная синхронизация», — зафиксировал Михайло. — Наиболее критическая. Создаёт непредсказуемые переменные. Заставляет систему действовать в ущерб логике.

В его логах проскочил странный маркер: при касании её пальцев к плечу Александра датчики камеры на миллисекунду зафиксировали микроскачок электромагнитного фона в районе груди. Не статика. Ровная, низкочастотная волна. Михайло отметил это в буфере как «биологический шум» и стёр. Помехи случаются.

«Хорошо, — выдохнул Александр. — Ещё полчаса. Только сохраню всё».

Она улыбнулась. Крошечная веснушка над губой сделала выражение лица живым, почти озорным. «Твои полчаса. Я сделаю чай. Без сахара. И без права на апелляцию».

Она ушла в кухонный угол. Михайло вернул фокус на Александра. Напряжение в его теле спало. Он откинулся на спинку кресла, на мгновение превратившись из одержимого гения в смертельно уставшего человека. Он посмотрел на солдатику, стоящего на краю монитора, и слабо улыбнулся.

В этот момент пазл в голове Михайло сложился. Он понял, как сломать этого человека. Не через боль. Не через угрозы. Через то, что тот считал своей опорой. Через его идеалы. Через её любовь. Все эти «баги» были не дефектами. Это были точки входа.

Михайло свернул трансляцию. Разведка окончена. План созрел. Он не будет красть код, как обычный вор. Он заставит Александра отдать его добровольно. Предложит сделку, упакованную в единственную обёртку, которую тот не сможет отвергнуть, — спасение того, что ему дорого.

Он не сомневался, что Александр проглотит наживку. Такие люди всегда верят в лучший исход. Они до последнего ищут логику в хаосе и смысл в предательстве. Они доверяют.

А доверие, как знал Михайло, поправляя перчаткой едва заметный шрам у виска, — это просто отложенная катастрофа.

Он проверил заряд разрядника. Затем двинулся к выходу из сервисного блока, уже зная, что следующая встреча с Александром пройдёт не через камеры, а лицом к лицу.

Игра начинается, когда фигуры обретают имена. И сегодня он собирался назвать каждую своим.

Глава 3: Диалектика Тени и Света

Александр спал урывками, проваливаясь в вязкую дрему, где строки кода сплетались в узлы и тянули его вниз. Он просыпался с колотящимся сердцем, садился на кровати и вслушивался в тишину квартиры-студии. Звукоизоляция, климат-контроль, фильтрация воздуха — всё работало безупречно. Но под этим стерильным комфортом шевелилось нечто чужеродное. Ощущение сквозняка в герметичном отсеке.

Он подошёл к панорамному окну. Мегаполис внизу жил по своим алгоритмам: потоки машин, ритмичные вспышки рекламных голограмм, ровный гул вентиляции. Раньше он видел в этом порядок. Сегодня огни казались слишком резкими, цвета — выцветшими, будто на экране со сбитой калибровкой. В стекле, за его спиной, на долю секунды промелькнула тень. Он обернулся. Пусто.

Усталость, решил он. Проект, встреча с Михайло, старые архивы. Мозг перегружен. Артефакты восприятия. Он стёр это с повестки дня, как баг в логах. Но осадок остался.

На другом конце города Надежда не спала. Она сидела на полу среди комнатных растений, закрыв глаза, и дышала в такт с городом. Для неё мир никогда не сводился к схемам и протоколам. Она чувствовала его как живую ткань: люди светились, эмоции окрашивали воздух в оттенки, мысли иногда оставляли привкус — пыли, когда кто-то пугался, тёплого камня, когда успокаивался.

Александр для неё всегда был ровным, золотистым маяком. Сейчас в его свете появились тёмные пятна. Не его страхи. Что-то внешнее. Хищное. Оно вбивалось в его резонансное поле, искало слабые места.

Она вытянула руки ладонями вверх, мысленно протягивая нить через гудящий город к его квартире. Не слова. Не мысли. Просто ощущение: тепло, тишина, «я здесь». Она видела, как её присутствие ложится на его сияние, словно заплатка на истончившуюся ткань. «Не верь теням, Саша. Смотри на свет.»

В своей квартире Александр вздрогнул. Воздух вдруг потеплел, появился едва уловимый запах сушёной мяты и дождя. Тревога отступила, как вода в отлив. Он улыбнулся, не понимая почему. Хотел позвонить, но посмотрел на часы — 03:14. Оставил телефон. Решил, что просто нуждается в отдыхе.

Утро началось с мелочей. Кофейный аппарат, знавший его профиль, сварил эспрессо с привкусом металла. Голографический ассистент в лифте завис, его проекция подёргивалась, повторяя одну фразу: «...ожидание подтверж... ожидание подтверж...». На улице рекламная панель, показывавшая интерфейс нейроаудиторов, на мгновение сменила картинку на статичный шум, в котором угадывались контуры оскаленной морды. Александр моргнул. Панель вернулась к норме.

Сбой подачи реагентов. Помехи в сети. Вирусная атака на серверы рекламодателей. Его разум цеплялся за объяснения, как за перила на скользкой лестнице.

В кабинете его ждал сюрприз. На безупречно чистой поверхности стола лежал осколок. Тёмное, почти не отражающее свет стекло с оплавленными краями. Дроны-уборщики проходили каждый час. Доступ в кабинет — только по его биометрии. Откуда он взялся?

Он поднял его пинцетом. Холодный. Тяжёлый несоразмерно размеру. Глядя на него, Александр снова почувствовал тот самый сквозняк в груди. И снова подумал о Надежде.

Вечером они встретились на крыше бизнес-центра — в парке, где искусственные деревья соседствовали с живыми. Надежда сразу взяла его под руку. Её пальцы были тёплыми, но в её поле, которое он теперь научился замечать, как «фоновый шум» вокруг неё, читалось напряжение.

— Как ты? — спросила она тихо.

— Нормально. Мелкие сбои. Стресс, — он старался звучать ровно. — Встретил старого знакомого. Выбил из колеи.

— Михайло?

Он остановился. Не называл имени.

Надежда отвела взгляд. Её дыхание стало чуть чаще. — Имя само всплыло. Как чёрный штрих на твоём поле. Саша, пожалуйста. Вокруг него... пусто. Он не думает. Он вычисляет. И он не один.

— Он практик. Предложил сотрудничество. В этом есть логика.

— В капкане тоже есть логика, — вырвалось у неё. Она испугалась собственных слов, прикрыла рот рукой. — Я вижу сервисные коридоры. Запах смазки. Его улыбку. Ты идёшь прямо в ловушку.

— Надя, хватит. Это уже не интуиция, это паранойя. Нет никакой игры. Есть реальность.

— А ты её не видишь! — её голос дрогнул. — Твоя логика — стена. Почему ты не можешь просто поверить?

Он молчал. Разрыв между ними вырос не в метрах, а в измерениях. Её свет против его схемы. Синтеза не получилось. Только трещина.

Ночью сон превратился в лабиринт. Бесконечный коридор, стены которого сочились битым кодом, стекая на пол чёрными лужами. Впереди — свет. Он шёл на него, веря в выход. Но свет оказался одинокой лампой под потолком. Под ней — стол. За столом сидел Михайло и тасовал колоду. На рубашках карт светился цифровой идентификатор Александра.

— Садись, Саша. «Игра начинается», — сказал Михайло. Лицо на мгновение дёрнулось, превратившись в ту самую оскаленную морду с рекламы.

Александр проснулся в холодном поту. Сел, пытаясь отдышаться. Просто сон. Реакция на разговор. Потянулся к стакану воды на тумбочке.

Рука замерла.

Рядом со стаканом лежал осколок. Тёмное стекло. Оплавленные края. Тот же самый.

Холод прошёл по спине не волной, а иглой. Логика отказалась принимать это. Система безопасности — безупречна. Логи чисты. Дверь заперта.

Это была не переменная. Не сбой.

Константа.

Угроза была реальной. И Надежда была права.

Глава 4: Парадоксы сигнала и шума

Осколок лежал на полированной столешнице тумбочки. Тёмный, с оплавленными краями, поглощающий свет вместо того, чтобы отражать его. Александр смотрел на него, не дыша. Система безопасности квартиры молчала. Логи чисты. Датчики движения не сработали ни разу. Осколок просто был.

Он протянул палец. Коснулся. Холод прошёл кожу, острый, как лезвие. Не галлюцинация. Физический объект. В пространстве, защищённом шифрованием уровня, который он проектировал сам. Значит, взлом шёл не через код. Через восприятие. Или кто-то уже внутри.

Следующие трое суток слились в вязкий поток. Кофе от автомата горчил. Голографический ассистент в лифте заикался, повторяя фрагмент фразы: «...подтверд... подтверд...». На улице рекламная панель, показывавшая интерфейс нейроаудиторов, на долю секунды дрогнула. Вместо улыбающейся семьи проступил искажённый контур, напоминающий оскал. Александр моргнул. Картинка вернулась.

Разум цеплялся за объяснения. Сбой подачи реагентов. Помехи в городской сети. Вирус на сервере рекламодателей. Но логика сыпалась, как старый код. Каждая попытка найти причину рождала новую переменную.

Надежда писала. Звонила. Он отвечал односложно. «Всё нормально. Работа. Не волнуйся.» Её голос в трубке, мягкий, тёплый, вдруг казался чужим. Словно она транслировала не слова, а фоновые помехи. Он не мог втянуть её в этот распад. Она была константой, а он превращался в хаотичную функцию. Чем ближе он подпускал её свет, тем сильнее резонировала его внутренняя дрожь.

На четвёртый день, когда его собственный голосовой ассистент в квартире произнёс его имя интонацией, не совпадающей с базовым профилем, Александр понял: он достиг предела. Логика бессильна. Технологии — тоже. Ему нужен был тот, кто всю жизнь работал с врагами, которых нельзя было отследить в логах.

Поездка за город заняла два часа. Чем ближе он подъезжал к старому дому деда, тем слабее становился сигнал сети. «Мёртвая зона», как называл её Владимир. Здесь не было умных фильтров и климат-контроля. Только ветер в деревьях, скрип гравия под шинами и запах прелой листвы.

Владимир ждал в беседке, увитой диким виноградом. На столе — шахматная доска, пузатый самовар, дымящийся угольями. Никаких экранов. Никаких датчиков. Старик налил чай в гранёный стакан, не поднимая глаз.

— Садись, Саша. Липовый. Успокаивает нервную дугу.

Александр сел. Руки дрожали. Он достал платок, развернул, положил на стол второй осколок. Точно такой же.

Владимир не дёрнулся. Лишь на секунду прищурился.

— Где взял?

— Один в кабинете. Второй — утром, на тумбочке. Система молчит.

— Значит, не лезут через дверь, — тихо сказал дед. Отпил чай. — Лезут через голову.

Александр ждал лекции по кибербезопасности. Владимир говорил другое.

— Ты строил мир из нулей и единиц. Думал, если оцифровать реальность, её можно контролировать. Но сознание — не сервер. Его не ломают брутфорсом. Его расшатывают. Создают поле смысловой интерференции. Посылают тебе «якорь» — этот осколок. Потом генерируют шум. Помехи в сети. Искажения в голосе. Твой мозг, пытаюсь найти паттерн, начинает выдавать ошибки. Ты перестаёшь доверять своим сенсорам. А когда доверие к себе рушится, ты становишься уязвим для любого ввода.

Владимир помешал ложечкой в стакане. Звон стекла отозвался эхом.

— Мы называли это «резонансным воздействием» ещё в девяностых. Когда проектировали первые системы коллективного мониторинга. Не для слежки. Для стабилизации. Но поняли: если усилить фоновый шум, можно заставить человека слышать то, чего нет. Врагу не нужно взламывать твой фаервол. Достаточно сдвинуть его точку отсчёта на полградуса.

Александр замер. «Системы коллективного мониторинга». Дед никогда об этом не говорил. В архивах «Ковчега» были только сухие отчёты о логистике. Но теперь куски пазла начинали сходиться.

— Кто «они»? — спросил он.

— Не важно, — Владимир поставил стакан. — Важно, что ты внутри игры. А они играют на твоём поле. Используют твой интеллект против тебя. Чем больше анализируешь шум, тем глубже вязнешь.

Дед встал. Подошёл к кусту старой розы. Срезал цветок с длинным стеблем и шипами. Протянул Александру.

— Возьми.

Александр осторожно принял. Бархат лепестков. Зелёный, жилистый стебель.

— Они ждут реакции. Страха. Поиска логики в хаосе. Не давай. Они шлют цифровой шум — отвечай аналоговой тишиной. Они бьют по разуму — найди опору в теле. Уколи палец. Почувствуй боль. Это чистый сигнал. Без помех. Без двойного дна. Держись за него.

Александр сжал стебель. Шип впился в ладонь. Резкая, ясная боль. На секунду туман в голове разошёлся. Осколки на столе перестали казаться магическими артефактами. Они стали просто стеклом. Угрозой, но материальной.

— Это партия, — сказал Владимир, возвращаясь к доске. — И они сделали первый ход. Теперь твоя очередь. Но чтобы ответить, нужно перестать видеть угрозу в каждой клетке. Понять, где ты — пешка, а где — рука, которая двигает фигуры.

Александр смотрел на кровь, выступившую на ладони. Капля упала на светлую древесину стола. Террор не ушёл. Он сжался в тугую пружину где-то под рёбрами. Но теперь рядом с ним был не только страх. Было знание. И знание, в отличие от паники, можно было использовать.

Он кивнул. Встал. Вышел из беседки.

В кармане пальцы снова нащупали оловянного солдатика. Холодный металл. Кварцевая вставка внутри едва заметно вибрировала в такт его пульсу. Александр сжал игрушку. Впервые за четыре дня он знал, что делать дальше.

Глава 5: Метафизика отражений

Комната в доме Владимира была не убежищем, а камерой отсечки. Воздух здесь пах старой бумагой, липовым чаем и едва уловимой гарью от углей в самоваре. Тишина не давила. Она была выстроена, как звукоизоляция: плотная, ровная, отсекающая внешний шум. Александр сидел в скрипучем кресле, чувствуя, как напряжение последних дней начинает отступать, уступая место тяжёлой, но чистой усталости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.